

ВАРВАРА Николаевна вздохнула и почувствовала, как колыхнулось в груди горячий камень. Улетел вихрь отрывочных страшных видений — к ней вернулась память. И с памятью — боль вчерашнего дня, неутешная, грозящая безумием.

Мать стояла у окна, прижавшись воспаленным от бессонницы лицом к холодному стеклу. Услышав, как Варенька пошевелилась, живо обернулась, но оторваться от окна не смогла — ноги не шли. Стояла и шептала молитвенно:

— Жива, жива, жива...

Вчера хоронили Николая Осиповича Дюра. Не было у Асенковой-младшей партнера более любимого и друга более отзывчивого. Ей казалось, что идет она за своим гробом и все, что происходит вокруг, — лишь слабые видения угасающей памяти. Невский запружен зеваками. Дамы в экипажах, точно в театральные ложах на представлении водевиля с участием господ Дюра и Асенковой-младшей: сидят, подлинбившись ручками в белоснежных балльных перчатках, и беззастенчиво лорнируют гроб и актеров, идущих за ним. Смерть актера — какой спектакль!..

Теперь, пожалуй, светские петиметры болтают за бокальником «вдовы Клико»: «Как прелестно убивалась Асенкова!» Ее смерть совсем близко. Она могла умереть раньше Дюра. Он рыцарски ее определил. (Узнав, что Варвара Асенкова, наконец, умерла от чахотки, сам Булгарин впервые поместит о ней добрые слова в своей «Северной пчеле», в той самой «Северной пчеле», которая исправно и больно кусала ее после каждой премьеры.)

Молодыми умерли Пушкин, Грибоедов, Бестужев-Марлинский, Одоевский... Булгарин, кажется, не умрет никогда! Впрочем, не в ее правилах желать смерти даже заклятому врагу. Варвара Асенкова славит мягкостью своей и незлобностью. Талант ее радостен, хоть трагична и горька жизнь красавицы актрисы придворного Александринского театра. Еще в детстве она услышала рассказы матери, Александры Егоровны, о забавах молодых светских повес, которые спавали совсем юных пансионеров театрального училища и потешались над их беспомощностью. Мать состояла в гражданском браке с офицером лейб-гвардии Семеновского полка Николаем Ивановичем Кашкаровым, тем и спаслась от притязаний множества наглых поклонников. С детства светские волокиты страшны Асенкову-младшую, и она дала себе зарок стать неприступной их домогательствам. С того и началась ее трагедия.

Ее обижали много и беспощадно. Но она мужественно хранила незлобность сердца. Научила себя не убиваться от обид. Ни за отказ в таланте, когда директор императорских театров С. С. Гагарин приговорил ее к отчислению из театрального училища: «Возвратить матери, так как она необщительных способностей не оказала». Ни за мстительные отвергнутых поклонников, тушей круживших вокруг нее после дебютов в «Сулеймане II, или Трех султаншах» Фавара, «Лорнет» Скриба да в «Школе женщин» Мольера.

Первый же выход ее на сцену 21 января 1835 года публика приветствовала неистовыми аплодисментами. А после того как она сыграла мальчика в водевиле «Мал да удал, или Записки гусарского полковника», началось нечто неслыханное. «Браво!» кричали ей после каждого выхода и «фор!» — после каждого куплета. Варенька были близки и понятны характеры независимых подростков с решительной походкой и изысканном озорством. Считалось, что ее перевоплощение в мальчишеские характеры настолько полно и совер-

шенно, что находится где-то на грани сверхъестественного. Она смешила, озорничала, свободно и радостно, незаметно для себя и для зрителей переходила от слова к пению, от пения к танцу. Ее талант обнимал весь мир, столь жестокий для нее за стенами театра.

Пьяный кавалерийский офицер с приятелями грубо и грязно оскорблял ее, сидя в креслах партера. Он мстил «актерке» за гордую женскую неприступность. Впервые в жизни она не выдержала и убежала со сцены, рыдая. Но не озлобилась, переборолась себя. Ради сцены, ради счастья уйти безоглядно, всем существом своим в другую жизнь, где все наивно и чисто и непременно придет к благополучному концу. В другой раз некий обезу-

та ролей за год, лишь нынче, в дни похорон Дюра. Господи, как много ушло вместе с ним! Умный друг, легкий талапт...

С некоторых пор ее преследовал голос московского актера Михайлы Семеновича Шепкина: «...Я знаю, вы ждете похвалы: ну, так утешьтесь, вы в «Полковнике старых времен» были так хороши, что гадко было смотреть»... Она поняла, что все в этом страшном высказывании — чистая правда: и то, что роль сыграла необыкновенно хорошо, и то, что публика кресел спешила смотреть не роль, а красную женщину, переодетую в пикантный мужской костюм. О двусмысленности этого зрелища и сказал Михайла Семенович, что, мол, «гадко было смотреть»...

Она не могла придумать

сдержанность в жестах, свобода естественно рожденного на сцене чувства — вот ее краски.

Еще в 1837 году в переложении для сцены романа Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери», которое именовалось на Александринской сцене «Эсмеральда, или Четыре рода любви», сыграла она цыганку Эсмеральду, первую свою истинно драматическую роль. Царь разрешил пьесу к постановке только после того, как от знаменитого романа в пьесе ничего не осталось. Царь написал в резолюции: «Ежели так, то препятствий нет, ибо не та пьеса, а только одно имя то же». Играла с Василием и Александром Каратыгиными, с Яковом Брянским — лучшими актерами труппы. Василий Андреевич Каратыгин нанустил на священника Клода Фролло такого демонизма, что ей, Эсмеральде, не сцене было жутко от его рычаний и швыряний. Все играли возвышенно — романтически, лишь она — по-своему.

В ноябре 1837 года Варваре Николаевне поручили роль Офелии в «Гамлете». О, как хотелось бы играть Офелию в одном спектакле с московским Павлом Мочаловым, великим Мочаловым, о котором она слышала легенды, читала поэтические строки Белинского, с которым чувствовала человеческое и актерское родство! Но в Санкт-Петербурге не место было мочаловскому Гамлету. Двор требовал полного развенчания мятежного принца «за непослушание, за сибаритство разум». «Излишество душевной энергии» здесь осуждалось, и «своеволие ума» вызывало гнев и ненависть. Зато Офелию не разглядело неусыпное око императора и Третьего отделения собственной его величества канцелярии. Офелию можно было играть вольно...

Варвара Николаевна встала с постели. Неверными шагами дошла к матери, обняла ее молодую еще талию, распахнула окно. Май бушевал свежими красками неба, благодатно трепетал едва проклюнувшейся из дочек молодой листвой. Актриса вспомнила, что нынче будет играть Офелию, и камень в груди стал холодеть. Свежесть пологого весеннего дня обласкала, вернула к жизни. Скорей бы на сцену — в убежище от всех бед, к тихому безумию Офелии!..

Вечером в театре было тихо. Никаких «браво», никаких «форо». Зал не дышал. Лишь изредка как-то странно, едино—вздрагивал. Офелия глядела в бездну, таящуюся у подножия сцены, и пела чистым и опустошенным, душу раздражающим голосом:

...И в могилу опустили
Со слезами, со слезами...

Когда открыли финальный занавес, она взглядела в лица зрителей. И не узнала их! Не высоконогие, чопорные, сохраняющие внешние признаки своего великодушия даже в минуты восторга, но вдруг искрение печальные, благодарные, добрые люди аплодировали ей.

У директорского подъезда — толпы провожающих ее в карету. И — ни тени пошлости, ни одного жеста волокитства. Недавние мучители участливо и тревожно, справлялись о ее здоровье. Она поняла: все эти люди боялись ее потерять. Несчастная Варенька Асенкова, полужаконная дочь лейб-гвардии офицера и актрисы, победила даже тех, кто почитал себя полубогами российскими...

В 1841 году, весной, на 25-м году жизни, она умерла... Н. А. Некрасов оставил для нас короткое и ясное описание последнего трагического дня Варвары Николаевны Асенковой: «Помню похороны, — похожи, говорили, на похороны Пушкина, теперь таких вообще не бывает»...

Александр КРАВЦОВ

ДАЛИ ИСКУССТВА

Кто из нас не заглядывал в далекую даль, чтобы понять великое искусство и его создателей! Мы пробуем услышать голоса, отзывавшиеся века назад, увидеть движения ваятеля Возрождения, рубящего мраморную глыбу, присутствовать на спектакле, если занавес уже опустился давным-давно.

Дали искусства... Каким богатым чувствует себя тот, кто бродит по эпохам и странам, всматривается в судьбы и великие свершения искусства! Вот почему «Литературная Россия» решила открыть на своих страницах новую рубрику, где будет рассказывать об актерах, художниках, музыкантах прошлого, чьи имена составляют сегодня нашу культурную сокровищницу. Первая из этих публикаций посвящается прекрасной русской актрисе Варваре Асенковой...

ТРАГЕДИЯ РАДОСТНОГО ТАЛАНТА

мевший негодный швырнул в карету зажженную шутку, у ее ног закружился адский огонь, грозя обжечь лицо, изуродовать навек.

Высшим испытанием было волокитство его величества. Августейший ловелас не сомневался, что ему-то повезет больше, чем его незадачливым подданным. Не повезло! Потрясенный независимостью молодой актрисы, Николай отомстил жестоко и низко — он запретил повысить ее содержание.

Играла она много, не замечая, как тает силы, как подражалась и стала раздвигать легкие тяжелая, пензлечимая болезнь. «Без любимого имени Асенковой бенефис был не в бенефис, и Асенкова, Дюр и водевил слепились в нечто целое и нераздельное»... Петербургская знать, а за ней мещанство и купечество с ума сходили по водевилю...

Там, на столике, раскрытый три дня назад да так и забытый с того момента, как обрушилось на Вареньку известие о смерти Дюра, лежал свежий номер журнала «Репертуар русского театра». В который раз журналисты поразились почти неестественной ее прилежностью, полагали, что около трехсот ролей в год — это каторга для талантливой актрисы, пытались решить вечную загадку: где же источник сил, позволяющий поднять неслыханную ношу? Она не думала обо всем этом до весны 1838 года, когда открылась у нее чахотка. И до конца осознала, сколько весит ноша в три-

своего театра и своих ролей. Театр был императорским, вкусы в нем царил придворно-лакейские, а ее успех в мальчишеских ролях диктовал дирекции определенный репертуар. Белинский хвалил ее за то, что она «очаровывает душу и зрение», и тут же признавался, что ему было «тяжело и грустно» после спектакля.

Болезнь заставила Варвару Николаевну решительно заняться подготовкой драматических ролей. Роль эти она проходила с самой Александрой Михайловной Каратыгиной, как некогда, придя в Александринский театр, кротко внимала Ивану Ивановичу Сосницкому, первому учителю своему, терпеливо сносила ее неумение и стыдливость. Каратыгина была умна и мастеровита, но на сцене холодновата. Варенька Асенкова так играть не могла. Не умела! Простота и